

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

**Особенности перевода отклонений от литературной нормы (на
примере романа З. Смит «Белые Зубы»)**

Выпускная квалификационная работа
по направлению 45.03.02 Лингвистика
Направленность программы бакалавриата
«Перевод и переводоведение»

Проверка на объем заимствований
_____ % авторского текста
Работа _____ к защите

« ____ » _____ 20 ____ г.
зав. кафедрой английской филологии
Афанасьева Ольга Юрьевна

Выполнил:
Студент группы ОФ 403/074-4-1
Зима Дмитрий Александрович

Научный руководитель:
старший преподаватель
Гордовая Светлана Валерьевна

Челябинск
2017 год

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ	6
1.1 Понятие литературной нормы в современных научных исследованиях .	6
1.2 Понятие отклонений от литературной нормы	14
1.3 Понятие "переводческая трансформация" и ее виды	20
Выводы по главе I	30
ГЛАВА II. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ В РОМАНЕ ЗЕДИИ СМИТ "БЕЛЫЕ ЗУБЫ"	31
2.1 О романе "Белые зубы"	31
2.2 Анализ перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы"	34
Выводы по главе II	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
Список используемых источников.....	69

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая дипломная работа посвящена исследованию и изучению особенностей перевода отклонений от литературной нормы при переводе с английского языка на русский на примере романа современной английской писательницы Зеди Смит «Белые зубы» (White Teeth, 2000). Выбор романа не случаен, поскольку в нем переплетены разные социальные языки: и речь подростков, и цветных иммигрантов, и белокожих британцев среднего класса и т.д.

Проблема изучения литературной нормы языка и особенностей ее перевода не является новой в лингвистической науке, она затрагивалась почти всеми ведущими учеными в области теории и практики перевода, среди которых можно указать Л.С. Бархударова, А.О. Иванова, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера и т.д. Однако, несмотря на многочисленные исследования зарубежных и отечественных лингвистов, на сегодняшний день не выработано четких принципов передачи отклонений от литературной нормы при переводе - путь, который выбирает переводчик, зачастую зависит от характера особенностей конкретно взятых отклонений.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что проблема перевода отклонений от литературной нормы требует дальнейшего изучения и уточнения, что и определило тему исследования: "Особенности перевода отклонений от литературной нормы (на примере романа Зеди Смит "Белые зубы")".

Объектом исследования является перевод отклонений от литературной нормы в художественном произведении.

Предметом исследования являются способы перевода отклонений от литературной нормы в романе Зеди Смит "Белые зубы", полученных в результате сплошной выборки из произведения оригинала и его перевода.

Цель данной работы заключается в анализе и выявлении наиболее успешной стратегии перевода отклонений от литературной нормы в художественных произведениях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) изучить литературу по теме исследования и дать определение литературной норме;
- 2) уточнить понятие отклонений от литературной нормы;
- 3) описать и проанализировать существующие стратегии перевода;
- 4) на примере романа З. Смит "Белые зубы" выявить особенности перевода отклонений от литературной нормы;
- 5) проанализировать особенности перевода отклонений от литературной нормы с целью определения наиболее эффективной стратегии их перевода.

Для реализации поставленных задач использовались следующие **методы исследования**:

- аналитический метод: анализ научной и научно-методической литературы по теме исследования, научных концепций в современных исследованиях, а также анализ перевода О. Качановой и М. Мельниченко романа З. Смит "Белые зубы" на предмет выявления особенностей перевода отклонений от литературной нормы;
- описательный метод, позволяющий изучить и систематизировать материал по рассматриваемой проблематике;
- сравнительный метод: выявление сходств и различий в классификациях видов переводов;
- метод сплошной выборки, позволяющий выбрать необходимый для анализа практический материал;

- метод количественного анализа, позволяющий определить частотность использования того или иного способа перевода отклонений от литературной нормы.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении особенностей перевода отклонений от литературной нормы и анализе выбора переводческих трансформаций в каждом отдельном случае с целью выявления наиболее эффективного способа перевода отклонений от литературной нормы.

Практическая значимость исследования: заключается в возможности использования материалов работы для подготовки лекционных занятий по дисциплине теория перевода. Так же материалы работы могут быть использованы студентами и начинающими переводчиками для оттачивания навыков перевода.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, основной части, заключения и библиографического списка.

Во введении дается обоснование актуальности и выбора темы исследования, определяются объект, предмет, цель, задачи и методы исследования, а также его научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Определяются положения, выносимые на защиту.

Основная часть исследования, представленная двумя главами, посвящена последовательному решению поставленных задач.

Первая глава состоит из двух разделов и посвящена анализу теоретических основ исследования особенностей литературной нормы, отклонений от нее и особенностей использования переводческих трансформаций при переводе отклонений от литературной нормы..

В результате рассмотрения теоретических основ исследования особенностей перевода отклонений от литературной нормы в выводах по первой главе сформулированы теоретические принципы, положенные в основу исследования.

Во второй главе приводится анализ особенностей выбранного произведения - романа З.Смит "Белые зубы", а также анализ использованных для перевода отклонений от литературной нормы переводческих трансформаций, полученных в результате сплошной выборки из переводаромана.

В заключении подводятся общие итоги проведенного исследования.

Библиографический список представлен 48 наименованиями, среди которых учебники, научные статьи, учебные пособия, словари, энциклопедии и

Т.Д.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ

1.1 Понятие литературной нормы в современных научных исследованиях

Понятие нормы прочно вошло во все сферы человеческой жизнедеятельности. Ежедневно человек сталкивается с различными нормами, требованиями, которым должна удовлетворять продукция его жизнедеятельности. Нормы позволяют регулировать взаимоотношения между людьми. Нормы устанавливаются в обществе и постепенно вырабатываются у каждого индивида, принадлежащего тому или иному обществу.

Норма устанавливается и в языке, поскольку она является неотъемлемой частью высказываний человека. Норма, являясь одним из центральных лингвистических понятий, относится к тем лингвистическим проблемам, которые постоянно находятся в центре внимания исследователей и на протяжении нескольких поколений решается всегда по-разному.

Господство нормативного подхода к языку началось еще в античности, когда не существовало большой разницы между разговорным и письменным языком, не выделяли особого сакрального языка, а вопросы нормы зачастую решались эмпирически без выделения какого-либо строго набора нормативных текстов [2, с.21]. Не нормализованной была и филологическая деятельность: например, при толковании Александрийскими грамматистами Гомера не было строгих предписаний следовать его языку.

Ужесточение нормы происходит уже в Средние века, когда язык был признан божьим даром, а человек не вправе был его изменять или усовершенствовать. Позже латынь и средневековые языки, классический арабский и арабские диалекты и т.д. рассматривались как престижный и непрестижный варианты одного и того же языка. Тогда основной задачей ученых было не допустить в "возвышенный" язык элементы "вульгарного".

Анализ современных научных исследований по проблеме нормализации языка, показал, что проблема нормы находится в постоянном центре внимания таких лингвистов, как Г.О. Винокур, М.М. Гухман, В.А. Ицкович, Э. Косериу, Л.П. Крысин, О.И. Москальская, Р.Г. Пиотровский, Н.Н. Семенюк, Л.А. Турыгина, В.Н. Ярцева и др. Следует указать, что особенностью современных исследований нормы является отрицание ее неизменности, скорее наоборот, каждому отдельно взятому этапу развития языка соответствует своя норма.

В ходе исследования было установлено, что у истоков создания современной теории нормы стоит Фердинанд де Соссюр, воспринимавший язык как систему знаков. В дальнейшем свое широкое распространение теория нормы получила благодаря плодотворной работе исследователей Пражского лингвистического кружка.

Первоначально понятие нормы рассматривалось как важное общее свойство языка, с точки зрения Н.С. Трубецкого, Э. Цвирнера и др., после чего, согласно исследованиям Э.Альмана, О. фон Эссена, было введено понятие "нормативная идеология" или "нормативная система". Сторонники структурно-системного подхода Ф. Де Соссюр, Л. Ельмслев, Э. Косериу и др. выдвигают на передний план соотношение нормы и системы языка.

Норма в этой связи трактуется шире системы, поскольку включает в себя большее количество разных признаков, однако она может быть и уже системы, поскольку тесным образом связана с выбором в пределах возможностей, допустимых системой. Так, по мнению В. Г. Гака, «в языке,

как организованной совокупности средств, следует различать две стороны: систему/структуру и норму»[10, с.5].

Таким образом, под влиянием Э. Косериу, а вслед за ним и Г.О. Винокура и Б. Гавранека, норма стала определяться как совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы [25, с. 94]. Иными словами согласно данному подходу, из понятия нормы следовало бы исключить ее динамические характеристики, отвечающие за возможность ее изменения и нетрадиционной реализации, что противоречит другому подходу к изучению нормы - динамическому.

Сторонниками динамического подхода к изучению нормы, среди которых следует указать Л.И. Скворцова, Г.В. Степанова, Ф.П. Филина, Л.В. Щербу, Н.Ю. Шведову, признается непрерывная изменчивость и языка, и нормы. Согласно исследованиям В. фон Гумбольдта, каждый язык представляет собой самодовлеющую систему, не готовую, а вечно и непрерывно создаваемую, как деятельность, выражающую «глубинный дух народа» [14, с. 80]. В динамическом подходе к изучению нормы происходит совмещение воспроизведения реализованных возможностей системы, рассматриваемых в качестве образца, и порождение языковых фактов в процессе живой коммуникации [42, с. 43]. При этом необходимо также учитывать и динамические характеристики и самой системы или возможности ее совершенствования в зависимости от требований социума.

Кроме того, в ходе анализа современных лингвистических исследований понятия нормы, было установлено, что его трактуют в широком и узком смыслах. В широком смысле понятие нормы вбирает в себя средства и способы речи, формировавшиеся на протяжении многих веков. В узком смысле норма рассматривается как результат кодификации языка, которая опирается на традицию существования языка в том или ином обществе, на общепринятые способы использования языковых средств. Ключевым понятием в этой связи является понятие кодификации, под

которой понимается целенаправленное упорядочение всего того, что относится к языку и сферам его применения. Результаты кодификации представлены, как правило, в нормативных источниках.

Являясь результатом кодификации, норма неразрывно связана с понятием литературного языка, развитие и усовершенствование которого отождествляется, прежде всего, с актуальными потребностями общества на определенном этапе его развития. Поскольку литературный язык представляет собой наивысший этап в развитии всех функциональных систем языка, то есть возможность его совместного существования с такими его формами, как территориальный диалект, полудиалект, а также разновидности обиходно-разговорного языка [15, с. 252].

Будучи высшим нормированным типом общенародного языка, литературный язык с течением времени вытесняет диалекты и интердиалекты, превращаясь при этом в подлинного выразителя общенациональной нормы как в устном, так и в письменном использовании.

По мнению некоторых ученых, в частности В.С. Елистратова, национальный язык представляет собой совокупность арго разных социальных групп, а литературный язык в этой связи рассматривается как интеллигентское арго [16]. Для национального литературного языка характерна тенденция его функционирования в разных сферах народно-культурной и государственной жизни – как в устной, так и в письменной форме – в качестве единого и единственного.

Современный национальный язык существует в нескольких формах, среди которых ведущую роль играет литературный язык, который рассматривается как форма исторического существования национального языка и принимается его носителями за образец [25, с. 97]. Следует отметить, что общеупотребительные единицы литературного языка прошли длительную культурную обработку и осмысление в текстах авторитетных писателей того или иного времени, при научном описании языка в

разнообразных грамматиках, а также в процессе общения образованных носителей языка.

Однако литературному языку, принимаемого за норму, противопоставляются территориальные и социальные диалекты (говоры и жаргоны), а также просторечие как форма существования языка, т.е. все то, что не подвергается сознательной обработке и кодификации. Несмотря на то, что все они также принадлежат национальному языку, входя в его состав, они не столь высоко развиты в функциональном плане. Тем не менее, между литературным языком и его нелитературными вариантами существует постоянно обновляемая взаимосвязь: возможно пополнение литературного языка за счет народно-разговорной речи, и наоборот, литературный язык оказывает влияние на диалекты и просторечия. Как указывает Н.Б. Мечковская, существуют такие пограничные зоны, посредством которых и осуществляется взаимодействие и взаимопроникновение разных норм [30, с. 37–38].

Отсюда вытекает проблема соотношения литературного языка и языковой нормы. Поскольку оба рассматриваемых явления сложны, исторически изменчивы и имеют многосторонние связи с другими явлениями, то и наблюдается разнообразие трактовок и аспектов научного подхода к языковой норме и литературному языку.

Понятие нормы в современном языкознании позволяет раскрыть сущность самого языка как функциональной системы, которой, с одной стороны, свойственна, устойчивость и стабильность, а, с другой стороны, будучи прикрепленной к языку, находящейся в постоянном развитии вместе с творцом и носителем языка – обществом.

Обращая внимание на социальную сторону понятия нормы, складывающейся из отбора языковых элементов – наличных, образуемых вновь и извлекаемых из пассивного запаса, С.И. Ожегов обращает внимание на то, что нормы поддерживаются общественно-речевой практикой

(художественной литературой, сценической речью, радиовещанием)[37]. Иными словами, на определенном этапе развития литературное произведение может служить образцом нормативного употребления. Однако, сегодня ситуация кардинально изменилась: не всякое литературное произведение и не всякая передача по радио и телевидению могут служить образцом нормативного употребления языка, т.е. сфера строгого следования нормам языка значительно сузилась.

По мнению В.А. Литвинова, литературная норма представляется не только результатом традиции, но и кодификации, в соответствии с этим включает в себя набор достаточно жестких предписаний и запретов, способствующих единству и стабильности литературного языка[25]. Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются результатом кодификации.

Любое отклонение от языковой традиции, от словарных и грамматических правил и рекомендаций рассматривается как нарушение нормы и обычно оценивается отрицательно носителями данного литературного языка. Однако, следует отметить, что степень обязательности языковых норм неодинакова, а различают императивные языковые нормы, нарушения которых расцениваются как признак не владения культурой речи, как грубые ошибки, а, с другой стороны – не строго обязательные языковые нормы, допускающие известные отклонения [47, р. 1037] характерно прежде всего для письменной формы существования языка в отличие от его устной формы.

Литературный язык в современном мире заметно меняет свой статус. Норма становится менее жесткой, допускающей вариантность и ориентируясь не на незыблемость и всеобщность, а на коммуникативную

целесообразность. Поэтому норма сегодня в большей степени рассматривается не запрет на что-то, а возможность выбора. Увидеть границу нормативности и не нормативности порой бывает сложно увидеть в виду ее стертости: известны примеры, когда разговорный и просторечные языковые единицы становились вариантами нормы языка. Литературный язык, являясь всеобщим достоянием, с легкостью впитывает в себя когда-то запретные средства языкового выражения.

Несмотря на то, что речевая практика литературно говорящих людей в большинстве своем ориентирована на норму, между нормативами и тем, как используется язык в реальной ситуации общения, имеется небольшой «зазор»: практика не всегда следует нормативным рекомендациям [10, с. 5].

На всех этапах развития литературного языка, при использовании его в разных коммуникативных условиях допускаются вариативность языковых средств, связанная, прежде всего, с динамичностью самой системы литературного языка. В своем развитии литературный язык черпает средства из других разновидностей национального языка – из диалектов, просторечия, жаргонов, но делает это чрезвычайно осторожно. В этом проявляется селективная и, в то же время, охранительная функция нормы, ее консерватизм, что является положительным моментом для самого литературного языка, служащим связующим звеном между культурами разных поколений и разных социальных слоев общества.

Понятие нормы и ее действие пронизывают все уровни языка. В связи с этим выделяются фонетические нормы, лексико-фразеологические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, а также орфографические и пунктуационные.

Разные периоды развития языка сопряжены с разными отношениями литературной нормы с языковой практикой. В период демократизации литературного языка, когда происходит приобщение к нему широких масс населения, далеких от литературной нормы, сопротивление нормативности

различным незаконным новшествами ослабевает, и в литературном языке появляются элементы, чуждые до этого норме.

Исследования в области вариантности убедительно показывают, что вариантность в системе живого языка является формой его развития. Прежде чем измениться литературный язык сталкивается с разными вариантами, существующих в языке в определенный период его развития.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что норма представляет собой сложное, многослойное и противоречивое явление, которая у каждого языка или его формы своя. Однако всем подсистемам литературного языка свойственны общие нормы.

Всё это позволяет говорить о том, что норма представляет собой шкалу переходов от того, что находится за пределами данной формы, к тому, что допустимо, но нежелательно или не рекомендовано, и далее к единственно возможному. Это показатель формы языка и характеристика говорящего как носителя диалекта, просторечия, жаргона, литературной речи. Это системное явление, проявляющееся на всех речевых и языковых уровнях и отраженное в своих графических экспликациях, характеризующееся, с одной стороны, устойчивостью и стабильностью, а, с другой стороны, исторической подвижностью и вариативностью. Кроме того, она обусловлена внутренними законами развития языка, однако, являясь эталоном хорошей, грамотной речи, способна отражать речевые предпочтения социокультурной элиты. на каждом историческом этапе развития общества не только сохраняется структура языка, его грамматический строй, основной словарный запас, но и закладываются новые соотношения языковых средств и, соответственно, и новые нормы.

1.2 Понятие отклонений от литературной нормы

Кодифицированность литературной нормы позволяет рассматривать отклонения от нормы как отступление от стандарта, который зафиксирован в словарях и нормативных грамматиках. Зарубежными лингвистами подобные нарушения грамматических правил получили название "субстандарт". По мнению В. П. Коровушкина, термин "субстандарт" закрепился в англистике к середине 30-х годов XX века и имеет близкое значение к такому явлению, как "нелитературная форма языка" [19].

Анализ исследований таких ученых, как Э.Г. Азимова, В.С. Виноградова, В.Г. Гака, Я.Н. Рецкера, Л.И. Скворцова и др. показал, что все отклонения от литературной нормы подразделяются на два типа: 1) соответствующие какой-либо другой, нелитературной, норме (диалекты, просторечие, жаргон и т. п.) и 2) не подчиняющиеся каким-либо постоянным нормам вообще (оказионализмы, детская речь, ломаная речь иностранца и т. п.). Согласно исследованиям С.И. Влахова и С. Флорина, отклонения первого типа называются коллективными отклонениями от литературной нормы, поскольку они используются людьми, объединенными по различным признакам в языковые коллективы, а отклонения второго типа рассматриваются как индивидуальные отклонения от литературной нормы, вследствие того, что люди, в речи которых они встречаются, не связаны общей деятельностью, территориальным единством и т. п. [8, с. 324]. Вслед за ними термин отклонения от индивидуальной нормы используется и другими исследователями, такими, например, как И. С.Алексеева [1, с. 196]. В своих ранних исследованиях А.В. Федоров называет такие отклонения языковыми неправильностями [44, С. 222], а позже в исследованиях Я.И. Рецкера появляется понятие коверкание разговорной речи, в то время, как

для первого типа отклонений ученый использует название "периферийные слои языка" [40, с. 15].

В следствии того, что, как указывает Л.И. Скворцов, литературный язык является наивысшей формой национального языка, который одновременно представляет собой и носителя культуры, и цивилизации, важно разграничивать литературный язык от языка художественного произведения. Ученый также обращал внимание на то, что языковые средства художественного произведения, с одной стороны, подчиняются правилам литературного языка, а с другой стороны - считаясь с нормами литературного языка и отталкиваясь от них в своем творчестве, вовсе не ограничивает тем самым свободу «языкотворчества» [42, с. 61].

По мнению А.Н. Кожина, литературный язык каждого отдельно взятого автора, выделяясь своей обработанностью и упорядоченностью, находит в языке художественного произведения своеобразное, эстетически обусловленное преломление. Действительность художественного вымысла предопределяет обращение писателя к языковым средствам, находящимся на периферии литературного языка. При этом нарушение литературной нормы несомненно является важным моментом, который оказывает влияние на выбор языковых средств. [17, с. 11-12].

По мнению И.В. Высоцкой, современной лингвистике при "нелинейном подходе" характерно снятие противопоставления в художественном тексте системного а системному, нормального аномальному, связанное с представлениями о порядке и хаосе, закономерности и случайности, статике и динамике [9, с. 18].

Исследуемое явление неоднозначно обозначается в научной литературе: так, А. Амосова и А.В. Кожевникова называют исследуемое «парадоксом», Е.А. Яшина - «алогизмом», О.В. Кравченко и В.Ю. Новикова - «абсурдом», «аномалией» это явление называют Ю.Д. Апресян, Н.Д.

Арутюнова, А.В. Десятова и Т.Б. Радбиль, для Е.Н. Матвеевой, С.Ж. Нухова, А.П. Сковородникова - это «языковая игра» и т. д.

Рассматривая парадокс как «бессвязную связь», А. Амосова подчеркивает его активный и эмоциональный характер по отношению к адресату и указывает, что он способствует организации и мобилизации внимания читателя, путем описания окружающей действительности в новом ракурсе [3, с. 179, 180].

Изучая введение в художественный текст разнообразных «логически-бессмысленных моментов», «нелепостей», Е.А. Яшина констатирует их основное назначение: нарушение предсказуемости и повышение экспрессивности. По мнению ученого, алогизм представляет собой нарушения логических связей на уровне словосочетания, предложения или контекста в целом, которая возможна благодаря противоречивости или несовместимости языковых средств, поскольку между ними нарушены логические, семантические или грамматические согласованности [46, с. 98].

Рассматривая абсурд как «мировоззренческую категорию», О.В. Кравченко подчеркивает его важность в формировании и развитии культуры в широком смысле этого слова. Однако по мнению О.В. Кравченко, не любое отступление от нормы может привести к созданию лингвистического абсурда в тексте, а только то, которое совершается осознанно и намеренно [20, с. 39-44].

Некоторые исследователи, среди которых можно выделить Е.Н. Матвееву, С.Ж. Нухова, А.П. Сковородникова и др., отождествляют понятие отклонения от литературной нормы с термином «языковая игра», отмечая в качестве основных характеристик данного явления ненормированный характер языковой игры, ее прагматическую направленность. Так, Е.Н. Матвеева [29, с. 69] убедительно доказывает связь творческого характера феномена языковой игры с творческим подходом к языковому стереотипу. При этом важным является тот факт, что языковая игра вскрывает

пограничные, парадоксальные случаи функционирования языкового знака, что позволяет разрушать стереотипы и большее внимание обращать на языковую форму.

А.П. Сквородников определяет языковую игру как творческое или нестандартное использование любых языковых единиц [43, с. 86]. В то время как С.Ж. Нухов рассматривает языковую игру как особую форму речевого поведения, позволяющая создавать комический [36, с. 36-37]. Однако данный подход трактуется как узкий, поскольку языковая игра способствует не только созданию комического эффекта, но и реализует эстетическую и прагматическую функций языка.

Таким образом, большое количество терминов указывает на то, что вопрос о природе лингвистических аномалий, их причинах и результатах неоднозначно решается в современных научных исследованиях. Согласно исследованиям Г.Г. Молчановой, Л.Н. Мурзина, С.Ж. Нухова, понятия «норма / не норма» все чаще заменяется соотношением понятий «норма / другая норма» [36, 32, 34 и др.].

По мнению Л.Н. Мурзина, в пределах художественного текста наблюдается сосуществование двух разных норм: традиционная литературная норма и новая норма или антинорма. Литературная норма способствует стандартизации художественного текста, в то время, как антинорма способствует созданию индивидуальности и неповторимости художественного произведения. Языковую норму ученый считает пассивной, необходимо лишь для создания определенного фона [34, с. 9, 12].

Согласно концепции Я. Мукаржовского, язык художественной литературы в целом располагается за пределами норм литературного языка. Ученый выдвигает мнение о том, что любое художественное произведение развивается благодаря эстетической норме, отвечающей за индивидуализацию ценности произведения [33, с. 162-165].

В соответствии с исследованиями Ю.М. Лотман, соответствие литературной норме делает любой художественный текст неинформативным, и только отклонения от нормы способствуют повышению информативности любого художественного произведения [27, с. 362].

Соглашаясь с мнением Ю.М. Лотмана, Н.Д. Арутюнова добавляет тот факт, что любое отклонение от литературной нормы должно восприниматься как сигнал "скрытого смысла" [5, с. 90].

Что касается художественного текста, который представляется как сложное и многостороннее явление, то актуально его рассмотрение как динамического объекта, а не застывшего.

По мнению Г.Г. Молчановой, структура художественного текста, с одной стороны, нацелена на подчинение всех элементов нормативным требованиям, а с другой стороны, наблюдается тенденция выведение повествования за рамки автоматизации или, иными словами, спровоцировать отклонение от нормы, которое способствует варьированию языковых элементов в рамках существующих правил [32, с. 37]. Такое отклонение от нормы, как было подмечено И.В. Арнольд, обладают большей информативностью [4, с. 132].

Используя для передачи своих мыслей новые приемы, которые зачастую относятся к отклонениям от литературной нормы, писатель определяет художественный и энергетический потенциал созданного текста.

Художественное произведение, при этом следует рассматривать как средство выражения мировоззренческой позиции автора. В соответствии с этим, в тексте всегда можно обнаружить авторскую установку, скрепляющую все элементы структурной организации текста.

Однако следует обратить внимание на то, что авторское сообщение может быть выражено вербально, а может носить имплицитный характер или не имеющий явного вербального выражения. Комбинируя средства естественного языка, любой писатель стремится превратить их в некую

целостную систему, элементы которой обретают новые, не свойственные им ранее свойства. В результате чего в художественном тексте появляется новый уровень - вторичный, поэтический язык, имеющий более сложную систему по сравнению с естественным языком, что предоставляет возможность передать больший объем информации. Однако, при передаче содержания произведения на "нехудожественном языке" возможно оставление непереуведенным части текста, содержащей ту самую сверхинформацию [17].

В соответствии с этим, можно констатировать, что художественного произведение воздействует на читателя и с точки зрения рационального, и с точки зрения эмоционального.

Характеризуя язык художественного произведения как многоуровневый и экспрессивный, необходимо отметить и наличие в нем необычных элементов, позволяющих читателю проникнуть в мир подтекстовой информации и скрытого смысла, что делает чтение более увлекательным.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что фактор нарушения нормы, являясь одним из основных моментов в процессе выбора языковых средств, предполагает наличие в структуре текста таких доминант, которые в большей степени способствуют формированию целостной картины мира на фоне определенного художественного контекста.

Все составные части структуры художественного текста связаны между собой, и "аномальные", "ненормативные" конструкции будут являться такими только в сравнении с существующей нормой языка, что, по словам Ж.Н. Масловой, в большей степени и определяет выбор языковых средств автором [28].

Согласно современным лингвистическим исследованиям отклонения от литературной нормы представляют собой особенностью и проявлением

скрытых лексических, словообразовательных и грамматических возможностей системы [46].

Таким образом, особенностью языка художественного произведения и является наличие языковых аномалий в нем, которые указывают на наличие скрытого смысла или зашифрованной подтекстовой информации. В соответствии с этим происходит изменение семантики слова в результате его взаимодействия с другими словами, что несомненно находит свое отражение в художественно-эмоциональном познании действительности.

Итак, в языке художественного произведения предполагается отступление от обыденной языковой нормы, которое, однако, не вступает в противоречие с общей системой языка. Деформация как нарушение нормы в языке художественного текста реализуется в аспекте трёх составляющих художественной коммуникации, которые являются для текста определяющими: авторское видение действительности, воплощенное в определенной, сложно организованной материальной структуре, скрывающей в своих глубинах надлинейный, подтекстовый смысл, который в основе своей выше всякого структурного оформления и является для адресата как получателя художественного сообщения главным закодированным содержанием, которое ему необходимо извлечь в процессе восприятия текста.

1.3 Понятие "переводческая трансформация" и ее виды

Достижение адекватности перевода является основной целью любого переводчика. Однако достаточно трудно подобрать аналоги всем лексическим единицам, в силу того, что они не всегда существуют. Вот тогда на помощь переводчику и приходят переводческие трансформации или преобразования, умелое использование которых способно обеспечить адекватность перевода, т.е. исходный текст точно отражен в тексте перевода.

Несмотря на широкое использование термина «переводческая трансформация» многими учеными в области перевода, такими, например, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Р. К. Миньяр-Белоручев, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер и др., абсолютного согласия относительно трактовки данного понятия не существует до сих пор [2–11].

Термин «трансформация» своими корнями уходит во времена становления «трансформационной грамматики», которая занимается правилами порождения синтаксических структур, характеризующихся одним и тем же планом содержаниями, но разными планами выражения. Исходя из правил трансформации, исходная структура способна порождать трансформы, и наоборот, трансформы способны сводиться к единой ядерной структуре. Например, ядерная структура «Мальчик читает» порождает такие трансформы, как «Чтение мальчика», «Читающий мальчик», «Прочитанное мальчиком» и т. д. Только исходные принципы какой-то конкретной теории могут решить вопрос об определении переводческих трансформаций.

Термин «переводческие трансформации» трактуется по-разному разными учеными. Согласно Р.К. Миньяр-Белоручеву, переводческая трансформация - это такое преобразование, которое «заключается в изменении формальных (лексические и грамматические преобразования) или семантических (семантические преобразования) компонентов исходного текста»[31]. При этом обязательным условием, по мнению Р.К. Миньяр-Белоручева, является сохранение формации компонентов исходного текста, которые предназначены для передачи.

Относя трансформации к приемам логического мышления, И. Рецкер констатирует, что переводчик просто передает значение иностранного слова, находя при этом соответствующую заданному контексту замену в языке перевода, не закрепленную в словаре. Такое явление ученым было названо лексическим преобразованием. В то время, как грамматические преобразования, согласно исследованиям И. Рецкера, возможны лишь в

процессе преобразования структур предложения в соответствии с нормами языка перевода [39].

В исследованиях А.Д. Швейцера речь идет о возможности метафорического преобразования текста, когда происходит замена одной формы выражения другой [45]. В М Алпатов указывает возможность использования переводческой трансформации в том случае, когда невозможно воспользоваться словарным соответствием в заданных условиях контекста [2]. В работах Л.К. Латышева приводятся примеры намеренного отступления от текста оригинала, называемой ученым «переводческими трансформациями», в случае когда буквальный перевод, либо же просто перевод, близкий к оригиналу по семантике, мешает восприятию текста перевода, т.е. когда имеет место быть противоречие между двумя критериями адекватности перевода – равноценностью регулятивного воздействия исходного текста и текста перевода с их семантико-структурным подобием [23].

По мнению В. Г. Гака, переводческая трансформация отождествляется с "отходом от использования изоморфных средств, наличных в обоих языках» [10]. Под изоморфными средствами понимаются системные эквиваленты, основными характеристиками которых являются одинаковое денотативное значение и грамматическая однотипность. В исследованиях В. Г. Гака, «переводческая трансформация очень часто предопределяется использованием слов или грамматических форм во вторичных функциях (генерализация, транспозиция, десемантизация) либо в условиях контекстуальной или ситуативной избыточности» [10, с. 69]. В случае, когда какой-либо языковой элемент использован в первичной функции или в прямом значении, тогда следует использовать дословный перевод, если имеется межъязыкового системного элемента.

Поскольку Р. К. Миньяр-Белоручев под переводом понимает передачу некоторой информации, которая может "продуцировать у адресата искомый

смысл, а если нежно, то и дополнительный эстетический эффект» [31, с. 4], тогда суть трансформации, по мнению ученого, заключается в "изменении формальных (лексические и грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи» [31, с. 201].

В то время, как В. Н. Комиссаров определяет "переводческие трансформации" как преобразования, позволяющие перейти от единиц оригинала к единицам перевода с сохранением смысла. Принимая во внимание тот факт, что в переводческих трансформациях принимают участие языковые единицы, обладающие и планом содержания, и планом выражения, можно определить характер преобразований как формально-семантический, поскольку преобразуется и форма, и значение исходных единиц [18, с. 172].

Таким образом, из приведенных выше определений видно, что понятие "переводческой трансформации" неоднозначно трактуется учеными. Так, некоторые ученые, среди которых можно отметить В.Г. Гака, ограничивают понятие "переводческой трансформации", отказываясь от межъязыковых соответствий. Такие случаи получили название в исследованиях В.Г. Гака "квазит-рансформациями" или "расхождениями в применении средств языка в соответствии с особенностями систем двух языков [10]. Квази-трансформации имеют место в таких случаях: а) лексические или грамматические лакуны или отсутствие необходимой грамматической категории или лексического значения в одном из рассматриваемых языков; б) объем значения слова или грамматической категории неодинаковы в рассматриваемых языках [11].

Однако разделение на реальные переводческие трансформации и квази-трансформации не оказывают влияния на сущность переводческого процесса как межъязыковое преобразование, поскольку уже из-за разницы систем, узуса и норм в двух языках переводчик вынужден использовать

эквивалентные межъязыковые преобразования. Хотя данное разграничение уместно, когда речь идет о характере переводческих трансформаций. Во время перевода имеют место быть вынужденные трансформации, которые вытекают из разницы между двумя языками, а также те, которые необходимы для сохранения коммуникативно-функциональных свойств текста. Именно характер трансформации позволяет в каждом отдельном случае найти необходимые условия, позволяющие избежать буквализма.

Однако такие переводоведы, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров и др., рассматривают понятие «переводческая трансформация» как отношение между двумя текстами: исходным и текстом перевода, включая абсолютно все межъязыковые преобразования, необходимые для достижения эквивалентности перевода. Таким образом, данное определение позволяет определять характер переводческих трансформаций как комплексный.

Такое рассмотрение переводческого процесса как преобразование из одной формы в другую имеет условный характер. В реальном процессе переводчик не изменяет единицы языка оригинала, а только старается подобрать в языке перевода коммуникативно равноценные единицы, тем самым сохраняя некоторые отношения между единицами двух языков, описываемые как некоторые действия над единицами оригинала, в результате которых получены единицы перевода [18].

В данном исследовании мы придерживаемся такого подхода к "переводческим трансформациям", который рассматривает их как условно обозначенные отношения между элементами оригинального текста и текста перевода.

Условность переводческих трансформаций определяется также и тем фактом, что они представляют собой больше констатацию процесса перевода нежели подлинные действия переводчика, которые сложно было бы пронаблюдать, так как по большей части происходят они в мозгу

переводчика [5, 12]. Принимая это факт во внимание, необходимо сопоставлять исходные и конечные части текста.

Анализ научной литературы по проблеме исследования позволяет констатировать наличие большого числа переводческих трансформации. По мнению В.Г. Гака, огромную практическую пользу переводчику принесет точная классификация и типологизация, а также определение точного количества переводческих трансформаций, позволив решить одновременно три задачи: вооружить переводчика всеми необходимыми для работы средствами, способствующим выразить заданное значение; оправдать существующую практику перевода, которая зачастую носит стихийный характер, что и осложняет процесс перевода; а также предоставить научное лингвистическое обоснование любым видам расхождений при переводе [11, с. 64].

Кроме того, имея определенные "правила, приемы и стереотипы", переводчик сможет достичь наиболее надежных и объективных результатов перевода, возможно, за более короткое время, чем в современных условиях [6, с. 46].

В настоящее время в современной теории перевода различают несколько типов переводческих трансформации, которые подвержены большому количеству классификаций, предложенных разными учеными в области перевода.

Из большого числа классификаций, представленных в научной литературе по теории перевода, были выбраны две, являющимися наиболее полными, на наш взгляд, - классификация В.Н. Комиссарова и типология Л.С. Бархударова. Анализ указанных типологий позволяет констатировать, что до сих пор в теории перевода не существует единой системы. Отличие представлено даже в разделении трансформаций на типы: В типологии В.Н. Комиссарова представлены лексические, грамматические и комплексные лексико-грамматические трансформации [18], в то время как у Л.С.

Бархударова все трансформации разделяются на замены, добавления, опущения и перестановки [6].

Кроме того, в классификацию В.Н. Комиссарова включены транскрибирование, транслитерация и калькирование, а в типологии Л.С. Бархударова указанные трансформации не нашли свое отражение. Имеются и сходства в указанных классификациях: такие приемы, как конкретизация, генерализация и антонимический перевод, представлены в обеих классификациях.

Такой прием, как модуляция в классификации В.Н. Комиссарова, определяется Л.С. Бархударовым как замена следствия причиной и наоборот.

В классификации Л.С. Бархударова приемы добавления и опущения рассматриваются как основные, в типологии В.Н. Комиссарова они не включены в общую классификацию, а определяются как технические вместе с приемами перемещения лексических единиц, определяемыми в типологии Л.С. Бархударова в качестве перестановок.

В рамках данного исследования будем придерживаться классификации Л.С. Бархударова, рассмотрев некоторые из переводческих трансформации.

Широкое распространение получили морфологические трансформации, которые заключаются в замене частей речи, а также их грамматических форм (времена, степени сравнения, падежи, число и т.д.)

Синтаксические трансформации заключаются в таких изменениях синтаксических функций слов и словосочетаний, как изменение порядка слов (в особенности при передачи тема-рематической структуры предложений), опущение элементов предложения (элиминация), вклинивание или добавление дополнительных слов в структуру предложения, перенос слов из одного предложения в другое, объединение двух и более структур, равно как и разделение одного предложения на два и более, замена простого предложения на сложное и наоборот, сложное на простое. Кроме того, возможно изменение порядка следования предложений, изменение

синтаксической структуры, разные вариации структуры фразы, замена глагола на причастие и деепричастие, активную конструкцию на пассивную и наоборот, возможны замены словосочетаний и распространенных определений на предложения и наоборот, предложений на словосочетаний или распространенные определения, замена типов сказуемых: глагольное на именное, именное на глагольное и др.

Другим типом трансформаций являются семантические трансформации, основанные на разных причинно-следственных связях, которые бывают между элементами рассматриваемых ситуаций. В плане содержания семантические трансформации имеют более глубокие модификации. Исходя из анализа литературы на предмет разных видов семантических трансформаций, было выделено следующее: трансформации с изменениями каузальных или причинно-следственных связей, а также смысловых элементов высказывания или фразы; логико-семантические трансформации (антонимический перевод или замещение, а также конверсия). Под конверсией рассматривается «перевернутое» описание ситуации, иными словами, отношения семантических компонентов описываются с "противоположного полюса". Антонимический перевод определяется как взаимозамена противоположных понятий с сохранением первоначального смысла фразы. Возможны замены слов с отрицанием, а также утвердительных предложений отрицательными.

Кроме того, выделяют стилистических трансформаций, основанных на мотивированном изменении образной структуры подлинного текста или его лексического наполнения. Цель стилистических трансформаций заключается в достижении как коммуникативно-функциональной, так и художественно-эстетической адекватности обоих текстов: исходного и текста перевода, Также благодаря стилистическим трансформациям возможна и утрата как эмоционально – оценочных, так и образно – стилистических особенностей единиц языка исходного текста.

Выделяют такие виды стилистических трансформаций:

- сохранение образности и экспрессии исходного текста в переводе.
- частичные изменения в переводном тексте образности и экспрессии исходного текста.
- сохранение эмоциональной и экспрессивной оценки текста на фоне полной замены его образности;
- полная утрата образности, и экспрессивности [13, С. 161–162].

В соответствии с вышеприведенными видами стилистических трансформации выделяют такие их приемы, как:

1) адекватная замена, основанная на большом количестве следующих "технологических" операций:

- выбор лексически неадекватного слова или оборота с близким смыслом и аналогичной стилистической окраской;

- замена символического образа исходного языка некоторым традиционным символическим образом языка перевода, не имеющим ярко выраженной национальной окраски и пробуждающим аналогичные ассоциации;

- экспликация образа, образного сравнения, игры слов посредством дословного перевода или калькирования (в том случае, если это позволит передать читателю образные ассоциации исходного текста);

2) идиоматизация / фразеологизация, основанная на замене слова, словосочетания или оборота идиоматическим, устойчивым оборотом;

3) экспрессивизация, представляющая собой замену широкой семантики с нейтральной стилистикой на более конкретную единицу с большей экспрессией.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что согласно классификации переводческих трансформаций Л.С. Бархударова выделяются такие трансформации, как замены, перестановки, добавления, опущения [6].

I. В рамках такой переводческой трансформации, как замена, анализируется использование таких трансформаций, как

- а) конкретизация;
- б) генерализация;
- в) замены форм слова;
- г) замены частей речи;
- д) замены членов предложения;
- е) антонимический перевод;
- ж) синтаксические замены в сложном предложении (в том числе объединение и членение предложений)

II. Перестановка, как вид переводческой трансформации, связана с изменением расположения или порядка следования языковых элементов в тексте перевода по сравнению с исходным сообщением. Данный вид трансформации обусловлен, прежде всего, различием в строе предложений двух языков, особенно важно различие в коммуникативном членении в предложениях. Соответственно для более адекватной передачи исходного сообщения переводчик прибегает к данному виду трансформации.

III. Добавления, как вид переводческой трансформации, связан с добавлением языковых элементов в сообщение на языке перевода, необходимых для более точной передачи исходного сообщения.

IV. Опускания представляют собой вид трансформации, при котором при переводе происходит опускание языковых элементов, что позволяет сделать полученное высказывание семантически близким к исходным и в то же время понятным для носителя языка перевода.

Выводы по главе I

Анализ теоретических аспектов изучения особенностей перевода отклонений от литературной нормы позволил сделать следующие выводы:

1) понятие нормы трактуют в широком и узком смыслах. В широком смысле понятие нормы вбирает в себя средства и способы речи, формировавшиеся на протяжении многих веков. В узком смысле норма рассматривается как результат кодификации языка, которая опирается на традицию существования языка в том или ином обществе, на общепринятые способы использования языковых средств.

2) Понятие нормы и ее действие пронизывают все уровни языка. В связи с этим выделяются фонетические нормы, лексико-фразеологические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, а также орфографические и пунктуационные.

3) При переводе художественного текста переводчик сталкивается с двумя видами отклонений: коллективные (просторечие, диалекты, жаргоны, арго, сленг и профессиональные языки); индивидуальные (детский язык, ломаная речь, дефекты речи (косноязычие, шепелявость и др.), а также ошибки в произношении)

4) Согласно классификации переводческих трансформаций Л.С. Бархударова выделяются такие трансформации, как замены, перестановки, добавления, опущения.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ В РОМАНЕ ЗЕДИ СМИТ "БЕЛЫЕ ЗУБЫ"

2.1 О романе "Белые зубы"

Практической базой исследования послужил роман английской писательницы с ямайскими корнями Зеди Смит "Белые зубы" (WhiteTeeth), вышедший в 2001 году. История создания этой книги любопытна и поучительна. Девочка Сэди (букву S во вполне обычном имени Sadie на экзотическое Z она сменила сама в 14 лет) с детства проявляла разнообразные таланты — танцевала чечетку, пела в мюзикле, позже выступала как профессиональная джазовая певица. Но интерес к чтению и юношеские опыты в литературе привели девушку в Кембридж, где она стала изучать английскую словесность. Первые ее рассказы, опубликованные в студенческих сборниках, привлекли внимание издателя, сразу распознавшего отнюдь не научный потенциал юной филологини. Он сразу предложил ей контракт на издание романа. Но у мисс Смит голова от счастья не кружилась: она сразу обратилась к литературному агенту. Того не смутило, что у будущего романа нет еще ни одной главы, и он взялся представлять интересы способной студентки. Да так рьяно, что провел в 1997 году среди издателей аукцион за право публикации — хотя у автора был готов только черновик первой части книги.

Эти чрезвычайные усилия, вызывавшие у многих усмешку (ведь речь шла о дебютном опусе никому не известной девицы), полностью оправдались. Сразу после выхода в 2000 году объемистое сочинение стало

международным бестселлером (по всему миру было продано 8 миллионов экземпляров), получило множество премий. Журнал Time Out New York назвал его "романом 2000 года". Весь этот маркетинг не имел бы смысла без самого главного — очень хорошего романа. Зэди обнаруживает недюжинную наблюдательность и способность к небанальным обобщениям во вполне традиционном повествовании.

Можно назвать следующие причины, по которым было выбрано именно это произведение:

Во-первых, он получил ряд престижных национальных премий, в том числе как лучший литературный дебют года. А журнал "Time" включил его в список лучших романов на английском языке, созданных в период с 1923 по 2005 г. (TIME 100 Best English-language Novels from 1923 to 2005 list).

Во-вторых, это первый роман автора, написанный ею в возрасте 25 лет.

В-третьих, в романе раскрываются самые острые социальные проблемы современного общества: проблема восток-запад, ассимиляция иммигрантов в новом обществе, проблема отцов и детей, брак и семья, девиантное поведение в подростковом возрасте, мультикультурализм, религиозные и расовые конфликты, пагубные привычки, защита животных, деятельность нетрадиционных религиозных групп.

В-четвертых, обо всем этом Зэди Смит пишет смешно, остроумно, ярко, тонко.

Рецензенты центральных печатных изданий Великобритании и США наградили эту книгу самыми сильными хвалебными эпитетами: brilliantly funny, relentlessly funny, extremely funny, rollicking, hilarious, witty and fresh with authenticity, shining piece of life, sparkles with wit.

Роман имеет огромное количество поклонников во всем мире как среди литературных критиков, так и простых читателей. Он переведен на десятки языков. Перевод на русский язык вышел в издательстве Ольги Морозовой в 2005 г., переводчики – О. Качанова, М. Мельниченко.

Кроме того, следует указать, что роман получил 14 литературных премий, среди которых «Уитбред Бук» (Whit bread Book Awards) и «Оранжевый Прайз» (Orange Broad band Prize for Fiction).

По единодушному мнению критиков, это была большая, неожиданно зрелая, богатая мыслями и нюансами, а главное - очень смешная книга, написанная девушкой смешанных рас и кровей.

В книге речь идет о жизни нескольких поколений двух семей из Северного Лондона, бенгальцев Икбалов и Джонсов, в доме у которых британцы смешались с ямайцами. Эта семейная сага охватывает большинство социальных проблем современного мира: наркотики, преступность, беспорядочные половые связи и их последствия, этнические подростковые банды, борьбу за права животных, иммиграцию, терроризм и конфликты на религиозной почве. И самое главное - мучительные поиски своей идентичности эмигрантами второго поколения, которые никак не могут понять, должны ли они беречь свои традиции и принадлежать к корням или, наоборот, стремиться к ассимиляции и бодро смотреть в будущее?

Истории, которые рассказывает Зэди Смит, прекрасно традиционны, они имеют начало, середину и конец, рассказаны старомодным королевским английским, и потому в сюжетном плане могут позволить себе многое: и обкурившихся исламских фундаменталистов, и внутрисемейный киднеппинг, и затянутых в черную кожу Свидетелей Иеговы, и самоубийство с помощью пылесосного шланга.

Одну из главных героинь — взрослеющую на наших глазах мулатку Айри Джонс — писательница явно наделила многими автобиографическими чертами. В семейную сагу искусно вплетены несколько почти детективных линий, все туже заплетающихся к концу книги. 25-летняя писательница сумела ударить по самым больным местам современной Британии изнутри — и, кажется, стала первой, кому это удалось. Этнические подростковые банды, бойцы которых мешают мусульманский фундаментализм с крутизной

голливудских киногангстеров; наркотики и свободный секс в школах; самодовольство и опустошенность внешне благополучных экс-хиппи.

2.2 Анализ перевода отклонений от литературной нормы в романе Э. Смит "Белые зубы"

Исходя из теоретического анализа перевода отклонений от литературной нормы было выявлено, что отклонения могут встречаться на всех уровнях языка: фонетическом, лексико-фразеологическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом.

В данном разделе мы проанализируем такие виды отклонений от литературной нормы, которые встречаются в анализируемом романе, как сленг, просторечия и диалекты, которые, к примеру словарь Collings дает с пометкой *informal* или *slang*: *haunt, dead-end job, winkle-pickers, poncey-looking block, knackered, fumbling* и другие примеры отклонений на **лексико-фразеологическом уровне**.

На **морфологическом и синтаксическом уровнях** язык героев Эди Смит остается в рамках норм литературного языка.

Особенностью произведения являются отклонения на **фонологическом уровне**.

Фонологический уровень

На фонологическом уровне для передачи особенностей произношения иммигрантов автором используются такие приемы, как замена звука [θ] на [t],[f],[ð] на [з], редукция, которая графически обозначается при помощи / ' / апострофа, а также особенность распевного произношения, обозначаемая на письме удвоенным звуком.

Здесь приведены примеры отклонений от литературной нормы на фонологическом уровне и особенности их перевода.

Оригинал	'If that's the bloody Jehovah's Witnesses, tell 'em to piss off!' [Z. Smith 2000:16]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Свидетели Иеговы, черт бы их подрал? Пусть катятся куда подальше! [З. Смит 2005:14]

Оригинал	' 'Cos if it's encyclopedias we've got enough, like, information ... and if it's God, you've got the wrong house. We're in a mellow place, here. Know what I mean?' [Z. Smith 2000:6]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Потому что если это энциклопедии, то у нас хватает этого добра, этой информации...а если Бог, то вы не по адресу. Тут веселенькое местечко, ясно? Понимаете, о чем я? [З. Смит 2005:7]

В данных примерах особенности произношения героя никак не компенсированы переводчиками. Кроме того, переводчики никак не компенсируют особенности произношения девушки в следующих примерах:

Оригинал	'Man... dey get knock out,' she lisped, seeing his surprise. 'But I tink to myself: come de end of de world, d'Lord won't mind if I have no toofs.' [Z. Smith 2000:13]
Перевод О. Качановой, М.	Знаешь... их выбили, – шепеляво пояснила Клара, заметив его изумление. – Но я думаю, когда наступит

Мельниченко	конец света, Богу будет без разницы, есть у меня зубы или нет [З. Смит 2005:15]
-------------	---

Оригинал	<i>'Clara.' She whistled inadvertently as she smiled and breathed in the smoke. 'Archie Jones, you look just about exackly how I feel. Have Clive and dem people been talking foolishness at you? Clive, you bin playing wid dis poor man?'</i> [Z. Smith 2000:14]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Клара. – Она непроизвольно свистнула, попытавшись одновременно улыбнуться и затянуться сигаретой. – Арчи Джонс, ты выглядишь абсолютно так, как нужно. Клайв и прочие наговорили тебе всякой ерунды? Клайв, ты издевался над этим бедолагой? [З. Смит 2005:3]

Оригинал	<i>Clara slapped him on the hand. 'Hush yo mout! You're natdatol'. I see nolder.'</i> [Z. Smith 2000:14]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Клара хлопнула его по плечу. – Да ладно! Ты не такой старый. Видала я и постарше. [З. Смит 2005:16]

В данном примере первое предложение, содержащее фонологические особенности, переводчиком заменено на просторечное восклицание, уместное в подобной ситуации в русском языке.

Оригинал	<i>'You don't say. Well, come and join de club. Dere are a lot of us about dis marnin'. What a strange party dis is. You know,' she said brushing a long hand across his bald spot, 'you look pretty djam good for someone come so close to St Peter's Gate. You wan' some advice?'</i> [Z. Smith 2000:14]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Да ну? Присоединяйся к нам. Сегодня здесь полно народу. Странная получилась вечеринка. Кстати, – она провела длинными пальцами по его лысине, – ты выглядишь просто круто для того, кто настолько приблизился к воротам рая. Хочешь совет? [З. Смит 2005:17]

В данном примере особенности произношения компенсированы переводчиком только лексическими заменами, а не фонетическими, тоже наблюдается и в следующих примерах:

Оригинал	<i>'Go home, get some rest. Marnin' de the world new, every time. Man... dis life no easy!'</i> [Z. Smith 2000:14]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Иди домой, отдохни. Каждое утро мир становится новым. Парень... жизнь не простая штука. [З. Смит 2005:17]

Оригинал	<i>'Some people,' Hortense asserted with a snort, 'have done such a hol' heap of sinning, it late for dem to be making eyes at Jehovah. It take effort to be close to</i>
----------	---

	<i>Jehovah. It take devotion and dedication. Blessed are the pure in heart for they alone shall see God . Matthew 5:8. Isn't dat right, Darcus?' [Z. Smith 2000:16]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Некоторые люди, – фыркала Гортензия, – успели столько нагрешить, что поздно им появляться пред очами Иеговы. Эту честь надобно заработать. Преданностью и ревностным служением. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Матфей пять-восемь. Такведь, Даркус? [З. Смит 2005:17]

Оригинал	<p>'I say, isn't dat right, Darcus?'</p> <p><i>'Hmph .'</i></p> <p>'An' it not,' exclaimed Hortense, returning to Clara, having received Darcus's grunt of approval, 'dat young man's <i>soul</i> you boddrin' yourself wid! How many times must I tell you – you got no time for bwoys!' '[Z. Smith 2000:16]</p>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	<p>Я говорю: так ведь, Даркус?</p> <p>– Хм.</p> <p>– Если тебе о какой душе и нужно заботиться, – продолжала Гортензия, получив невнятное одобрение Даркуса и снова обращаясь к Кларе, – так не о душе того парня. Сколько тебе толковать: на мальчишек времени нету! [З. Смит 2005:17]</p>

Оригинал	<i>Or, more imaginatively, ‘Sorry, love, don’t you know what day it is? It’s Sunday, innit? I’m knackered . I’ve spent all week creating the land and oceans. It’s me da yo frest.’ [Z. Smith 2000:17]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Извини, дорогуша, ты знаешь, какой сегодня день недели? Воскресенье, так? Я устал. Я всю неделю создавал сушу и океаны. Сегодня я отдыхаю [З. Смит 2005:18]

В последнем примере особое произношение концовки разделительного вопроса, свойственное просторечию, также заменено переводчиками свойственным для языка перевода словом.

Оригинал	<i>‘You want som mink?’ said Ryan, taking a fierce drag of a dying cigarette. ‘Or som mink?’ [Z. Smith 2000:19]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Тебе чего? – яростно затянувшись гаснущей сигаретой, спросил Райан. – Или чего другого? [З. Смит 2005:20]

В данном примере особенности произношения героя никак не компенсированы фонетически, только видно, что данные выражения заменены на аналогичные просторечные выражения языка перевода, тем самым подчеркивая особенности речи героя. Аналогичное явление можно наблюдать в следующем диалоге героев романа:

Оригинал	<i>Clara tried her widest, buck-toothed smile and went on to auto-pilot. ‘Marnin’ to you, sir. I am from de Lambert</i>
----------	---

	<p>Kingdom Hall, where we, de Witnesses of Jehovah, are waitin' for de Lord to come and grace us wid his holy presence once more; as he did briefly – bot sadly, invisibly – in de year of our farder, 1914. We believe dat when he makes himself known he will be bringing wid 'im de tree-fold fires of hell in Armageddon, dat day when precious few will be saved. Are you int'rested in-</p> <p>'Wot?'</p> <p>Clara, close to tears at the shame of it, tried again. 'Are you int'rested in de teachins of Jehovah?'</p> <p>'<i>You wot ?</i>'</p> <p>'In Jehovah – in de teachins of d'Lord. You see, it like a staircase.' Clara's last resort was always her mother's metaphor of the holy steps. 'I see dat you walkin' down and der's a missin' step comin'. I'm just tellin' you: watch your step! Me jus wan' share heaven wid you. Me nah wan' fe see you bruk-up your legs.'<i>[Z. Smith 2000:18]</i></p>
<p>Перевод О. Качановой, М. Мельниченко</p>	<p>Клара улыбнулась во все свои торчащие зубы и перешла на автопилот:</p> <p>– Доброе утро, сэ. Я из местного Зала Царств. Мы, Свидетели Иеговы, ждем, когда Господь снова одарит нас своею милостью и придет к нам, как Он уже делал на короткое время – только, к сожалению, невидимо – в 1914 году от Своего Рождества. Но мы верим, что теперь уж Он нам явится. Он сойдет на Армагеддон в тройном огне ада, и в тот день спасутся немногие</p>

	<p>достойные. Хотите узнать...</p> <p>– Чего?</p> <p>Клара была готова разрыдаться, но не отступала:</p> <p>– Хотите узнать об учении Иеговы?</p> <p>– О чем?</p> <p>– Об учении Господа нашего Иеговы. Ну, это как лестница. – В качестве последнего средства Клара всегда прибегала к метафоре своей матери о святых ступенях. – Вот вы идете вниз по лестнице, а у вас под ногами нет ступеньки. И я просто предупреждаю вас: берегись!</p> <p>Просто хочу привести вас на небеса. Не хочу, чтоб вы ноги себе переломали. [З. Смит 2005:20]</p>
--	--

Примеры отклонений от литературной нормы на фонологическом уровне составили всего 60% от общего количества примеров, при переводе которых переводчиками были использованы такие приемы, как замена на первом месте, добавления на втором месте, а также опущения на третьем месте. Для более наглядного представления полученных результатов была составлена диаграмма, представленная на рисунке 1:

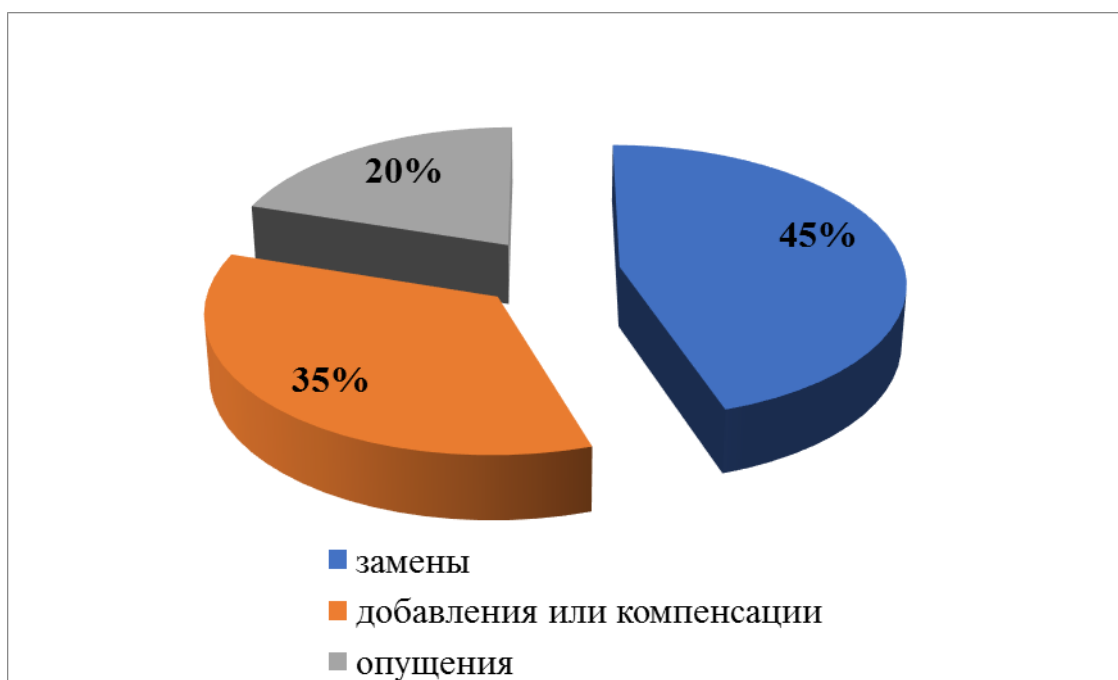

Рис. 1. Стратегии перевода, использованные при переводе отклонений от литературной нормы на фонологическом уровне

Диаграмма на рисунке 1 демонстрирует, что наиболее часто используемым приемом для передачи отклонений от литературной нормы на фонологическом уровне является замены, наблюдаемые в 45 % случаев, далее идут добавления (35%) и, наконец, опущения, которые составили 20% от общего числа литературных отклонений на фонологическом уровне.

Лексико-фразеологический уровень

В данном разделе будут приведены примеры переводов сниженной лексики.

Оригинал	<i>'Get out of it!Get away, you shit-making bastards! Yes! SIX!'</i> [Z. Smith 2000:3]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– А ну кыш!Пошли вон, срущие твари! Ура! ШЕСТЬ! [З. Смит 2005:4]

В данном примере выражение *Get out of it!* заменено на просторечное *А ну кыш!*, выражение *getaway* - на *пошли вон*, а *you shit-making bastards* - на *срущие твари*. Все просторечные лексические единицы, с помощью которых переводчик компенсировал речь персонажа романа, позволяют, как нельзя лучше, подчеркнуть особенности его речи.

Оригинал	<i>Come on, Mr Fatty-man,</i> ’ yelled one of Mo’s kitchen staff, poking Varin up the arse with a broom as punctuation for each word. ‘Get-your-fat-Ganesh-Hindu-backside-up-there-Elephant-Boy-and-bring-some-of-that-mashed-pigeon-stuff-with-you.’ [Z. Smith 2000:4]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Пошевеливайся, мистер Жиртрест , – вопил один из поваров Мо и бил Варина по заднице шваброй, как будто ставил тире после каждого слова. – Поднимай – сюда – свой – жирный – индусский – зад – Ганеш – Слонопотам – и – прихвати – голубиное – месиво! [З. Смит 2005:5]

В данном примере переводчики заменяют лексику со сниженным регистром на эквивалентную: MrFatty-man = мистер Жиртрест; thearse = задница; Get-your-fat-Ganesh-Hindu-backside-up-there-Elephant-Boy-and-bring-some-of-that-mashed-pigeon-stuff-with-you = – Поднимай – сюда – свой – жирный – индусский – зад – Ганеш – Слонопотам – и – прихвати – голубиное – месиво. При этом переводчик сохраняет пунктуацию и ритм автора.

Оригинал	<i>‘What the hell is this? What is this doing here?’</i> [Z. Smith
----------	--

	2000:4]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Это что такое? Что еще за машина? [З. Смит 2005:5]

Используя прием генерализации, переводчики опускают при переводе слово *the hell*, в то время, как во втором предложении местоимение *this* конкретизируется словом *машина*.

Оригинал	‘ What’s the deal, man? ’ Merlin blinked in the doorway at the man in corduroy who stood on his doorstep illuminated by winter sunshine. ‘Encyclopedias or God?’ [Z. Smith 2000:10]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	В чем дело? – Мерлин стоял на пороге и, моргая, разглядывал человека в вельветовом костюме, освещенного ярким зимним солнцем. – Энциклопедии или Бог?[З. Смит 2005:11]

В данном примере для передачи просторечной фразы переводчики прибегают к такому приему трансформации, как генерализация, передавая только суть представленного высказывания. Аналогичное явление наблюдается и в последующих примерах:

Оригинал	Merlin shrugged. ‘Yeah, sorry, man, looks like it wasn’t. Bit of a disappointment, that. Or a blessing,’ he added amiably, ‘depending on your point of view.’ [Z. Smith
----------	---

	<i>2000:11]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Мерлин пожал плечами. – Да-а, но ничего не случилось. Сплошное разочарование. Или благословение, – дружелюбно добавил он, – это как посмотреть. [З. Смит 2005:12]

В добавок ко всему, лексика сниженного регистра заменяется эквивалентной, тем самым подчеркивается уровень образованности говорящего:

Оригинал	<i>'Did you, er, dig the sign, then?' asked Merlin, taking a step back behind the doorstep in case the man was violent as well as schiz. [Z. Smith 2000:11]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Ну, и вы углядели объявление, так? – спросил Мерлин и отступил в дом – вдруг это какой-нибудь шизик. [З. Смит 2005:12]

Оригинал	<i>I'm here , Archie felt like saying, I'm right here you know, I'm bloody right here. And it was my blender. [Z. Smith 2000:6]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Я здесь, мысленно говорил Арчи, я же тут, черт бы вас побрал , здесь я. И это был мой миксер. [З. Смит 2005:7]

Оригинал	<i>'Caught my eye, you might say,' said Archie, still beaming like a mad man. 'I was just driving along</i>
----------	---

	<i>looking for somewhere, you know, somewhere to have another drink, New Year's Day, hair of the dog and all that – and I've had a bit of a rough morning all in all – and it just sort of struck me. I flipped a coin and thought: why not?' [Z. Smith 2000:11]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Оно само бросается в глаза, – пояснил Арчи, все еще улыбаясь как сумасшедший. – Я ехал и выискивал какое-нибудь местечко, где можно выпить, все-таки Новый год... у меня выдалось нелегкое утро ... оно просто перевернуло меня. Я подбросил монетку и подумал: почему бы нет? [З. Смит 2005:12]

В данном примере переводчики, используя прием генерализации, опустили фразу *hair of the dog and all that*, скорее всего характеризующую особенность речи данного персонажа и подчеркивает его низкий уровень образованности.

Оригинал	<i>'Oh, what the hell. It's New Year's Day, for fucks sake. You best come in.'</i> [Z. Smith 2000:12]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Ладно, какого черта... все-таки Новый год. Заходите [З. Смит 2005:13]

При переводе данного высказывания также использован прием генерализации, при этом переводчикам удалось сохранить его просторечный характер, несмотря на то, что слово *fucks sake* сниженного регистра было опущено при переводе.

Оригинал	<i>Inside the rooms, in certain corners, could be witnessed the passing of bodily fluids: kissing, breast-feeding, fucking, throwing up – all the things Archie’s Sunday Supplement had informed him could be found in a commune. [Z. Smith 2000:12]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	В углах комнат двигались: там целовались, сосали груди, трахались, блевали – словом, делали все то, что, как сообщало Арчи воскресное приложение к газете «Санди таймс», делают в коммунах. [З. Смит 2005:13]

В данном примере переводчики заменили лексику сниженного регистра на эквивалентную.

Оригинал	<i>‘Tobacco sea, I’m afraid, darling. Some evil bastard put his fag out in some perfectly acceptable whisky. There’s Babycham and some other inexorable shit over here.’ [Z. Smith 2000:12]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Боюсь, что это теперь табачная настойка, дорогой. Какой-то вредоносный тип бросил свой окурок в это вполне приличное виски. Тут есть еще грушевый сидр и другое такое же дерьмо . [З. Смит 2005:13]

В данном примере наблюдается конкретизация понятия **Babycham** = **грушевый сидр**, а также замены лексики сниженного регистра на эквивалентную.

Оригинал	<i>Mr. Not for a Million Pounds .</i>
----------	---------------------------------------

	<p><i>Mr. Not to Save My Mother's Life .</i></p> <p><i>Mr. Not for World Peace .[Z. Smith 2000:16]</i></p>
<p>Перевод</p> <p>О. Качановой, М. Мельниченко</p>	<p>Мистер Ни за какие коврижки.</p> <p>Мистер Ни за ради своей мамочки.</p> <p>Мистер Ни за мир во всем мире. [З. Смит 2005:17]</p>

В данном примере все варианты названия предполагаемой личности соблазнителя женских сердец заменены переводчиками на эквивалентные.

Оригинал	<i>'Ah, bollocks you would !'. [Z. Smith 2000:16]</i>
<p>Перевод</p> <p>О. Качановой, М. Мельниченко</p>	Куда б ты делась! [З. Смит 2005:17]

В приведенном примере переводчики, опуская лексику сниженного регистра, используют прием генерализации для более адекватной передачи смысла высказывания.

Оригинал	<i>('Will the Lord Forgive the Onanist?') [Z. Smith 2000:16]</i>
<p>Перевод</p> <p>О. Качановой, М. Мельниченко</p>	(«Простит ли Господь онанистов?»)[З. Смит 2005:17]

Вот еще один пример эквивалентной передачи лексики сниженного регистра.

Оригинал	<i>'If that's the bloody Jehovah's Witnesses, tell 'em to piss off!' .[Z. Smith 2000:16]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Свидетели Иеговы, черт бы их подрал? Пусть катятся куда подальше! [З. Смит 2005:17]

Компенсируя лексику сниженного регистра, в данном примере переводчики, опуская фонологическую особенность, в точности передают эмоциональную окраску высказывания эквивалентными лексическими единицами.

И еще один пример эквивалентной замены лексики сниженного регистра переводчиками:

Оригинал	<i>'Like what?' 'Like a whore!' said Ryan, the word exploding from him like it was a relief to be rid of it. 'Like a loose woman!' .[Z. Smith 2000:22]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Как кто? – Как шлюха! – сказал Райан, выплюнув это слово с каким-то странным облегчением. – Как падшая женщина [З. Смит 2005:23]

Примеры отклонений от литературной нормы на лексико-фразеологическом уровне составили 20% от общего количества примеров,

при переводе которых переводчиками были использованы такие приемы, как замена в 69% случаев, добавления в 21% случаев, а также опущения - в 10% случаев. Для более наглядного представления полученных результатов была составлена диаграмма, представленная на рисунке 2:

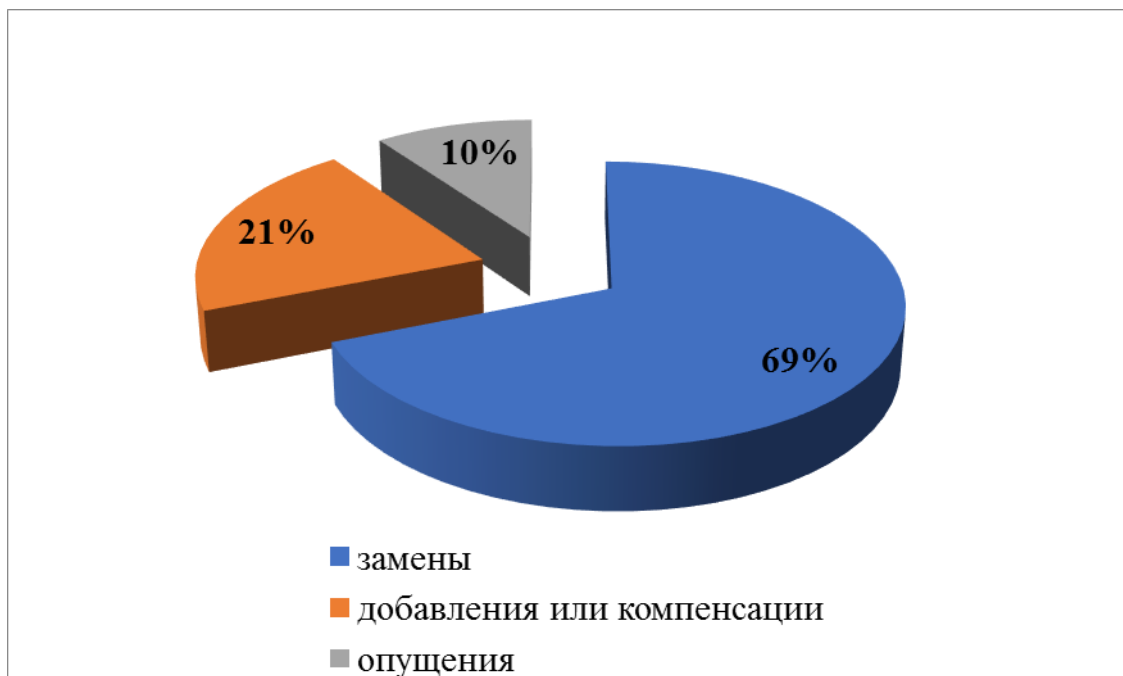

Рис. 2. Стратегии перевода, использованные при переводе отклонений от литературной нормы на лексико-фразеологическом уровне

Диаграмма на рисунке 2 демонстрирует, что наиболее часто используемым приемом для передачи отклонений от литературной нормы на лексико-фразеологическом уровне является замена, наблюдаемые в 69 % случаев на первом месте, на втором месте идут добавления (21%) и, наконец, на третьем месте - опущения, которые составили 10% от общего числа литературных отклонений на лексико-фразеологическом уровне.

Морфологический уровень

На морфологическом уровне наблюдается неправильное употребление времен английского глагола, что подчеркивает простоту и необразованность говорящих, их принадлежность к простым людям.

Оригинал	<i>I got delivery at 6.30. I got fifteen dead bovines turning up here at 6.30. I got to get it in the back..[Z. Smith 2000:4]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	В шесть тридцать приедут поставщики. В шесть тридцать здесь будет пятнадцать коровьих туш. Мне надо их затащить внутрь. [З. Смит 2005:5]

Данный пример демонстрирует неверное употребление персонажем конструкции *have got*, что переводчиком было передано путем опущения местоимения *I*. Данный прием позволяет подчеркнуть простоту говорящего, обеспокоенного, прежде всего, благополучием своего путь небольшого, но бизнеса, а не грамотным построением высказывания. К тому же, говорящий является одним из представителей иммигрантов, которые зачастую обладают способностью вести коммуникации на неродном языке, не соблюдая при этом никаких грамматических правил.

Оригинал	<i>'You're my son, Arshad. I don't employ you not to know. I employ him not to know'. [Z. Smith 2000:4]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Аршад, сынок. Я не для того тебя нанял , чтобы ты не знал. Варин может ничего не знать [З. Смит 2005:5]

Данный пример демонстрирует сразу два приема использования переводческих трансформаций: замена глагольной формы настоящего времени на прошедшее, более свойственное в данной ситуации; а также генерализацию, которая использована при переводе последнего предложения высказывания

Оригинал	<i>'Meester Jones, why do you come here when it make you so unhappy? Be reasonable. [Z. Smith 2000:5]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Ми-и-истер Джонс, зачем вы сюда приходите, раз это вам так неприятно? Будьте благоразумны. [З. Смит 2005:17]

Грамматически неверное употребление глагола *To make* в 3 лице единственном числе переводчиками не отражено в переводе, да и было бы сложно это сделать в связи с разными грамматическими особенностями двух языков. Подобное явление наблюдается и в ситуации, когда после неудавшегося самоубийства один из главных героев возвращается домой за оставшимися вещами, поскольку с женой они развелись, а на него в это момент нападают соседки, которые являются представителями иммигрантов, говорящих на языке, но с обилием грамматических ошибок. Это не только неправильное употребление форм глагола, но и использование неопределенного артикля перед местоимением:

Оригинал	<i>'Look at him,' said one of the Italian grandmothers, the more glamorous one with the big scarves and fewer moles, 'he take everything, capisce? He take-a her mind, he take-a the blender, he take-a the old stereo – he take-a everything except the floorboards. It make- a you sick...'</i> <i>.[Z. Smith 2000:6]</i>
Перевод О. Качановой, М.	– Только посмотрите на него, – начала одна из итальянских бабушек, вся обмотанная шарфами. Она была не такая отвратительная, как другие, и у нее

Мельниченко	было значительно меньше родинок, – все забирает, capisce ? Он забрал ее разум, забрал миксер и старый проигрыватель – он забирает все, кроме паркета. А она, несчастная...[З. Смит 2005:7]
-------------	--

Оригинал	<i>'You play like a faggot,' said Samad, laying down the winning queens back to back. He flicked them with the thumb of his left hand in one elegant move, making them fall to the table in a fan shape..[Z. Smith 2000:7]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Ты играешь как идиот. – Самад выложил четверку выигравших дам. Он подцепил их большим пальцем левой руки и с легким щелчком бросил веером на стол. [З. Смит 2005:8]

Данная ситуация описывает игру в карты двух товарищей-мигрантов, но несмотря на то, что играют они в момент речи, герой романа не использует настоящее длительное время, а настоящее простое, что также подчеркивает неграмотность большинства прибывающих в страну мигрантов.

Оригинал	<i>'I'm old,' said Archie, throwing his cards in, 'I'm old. Who'd have me now? It was hard enough convincing anybody the first time.' [Z. Smith 2000:7]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Я уже старик , – проговорил Арчи, бросая свои карты. – Я старик . Кому я теперь нужен? И в первый-то раз нелегко было кого-нибудь уговорить. [З. Смит 2005:8]

Используя прием конкретизации переводчики подчеркнули слова персонажа по поводу его возраста, а для дальнейших его слов был использован прием генерализации.

Оригинал	<i>Bloody hindsight, thought Archie. It's always 20/20.[Z. Smith 2000:8]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Когда смотришь в прошлое, зрение всегда сто процентов , думал Арчи. [З. Смит 2005:9]

Числительные заменены при переводе на эквивалентные, которые свойственны в данной ситуации на языке перевода.

Примеры отклонений от литературной нормы на морфологическом уровне составили всего 5% от общего количества примеров, при переводе которых переводчиками были использованы такие приемы, как замена в 80% случаев, добавления в 17 % случаев, а также опущения - в 3% случаев. Для более наглядного представления полученных результатов была составлена диаграмма, представленная на рисунке 3:

Рис. 3. Стратегии перевода, использованные при переводе отклонений от литературной нормы на морфологическом уровне

Диаграмма на рисунке 3 демонстрирует, что наиболее часто используемым приемом для передачи отклонений от литературной нормы на морфологическом уровне является замены, включая и замены формы слов, и генерализацию, наблюдаемые в 80 % случаев которые находятся на первом месте, на втором месте идут добавления и, наконец, на третьем месте - опущения, которые составили 3% от общего числа литературных отклонений на морфологическом уровне.

Синтаксический уровень

На синтаксическом уровне чаще всего наблюдаются такие отклонения от литературной нормы, как неправильное построение вопросительных и отрицательных предложений мигрантами и подростками, частое опущение одного из главных членов предложения.

Оригинал	'Do you hear that, mister? We're not licensed for suicides around here. This place halal. Kosher, understand? If you're going to die round here, my friend, I'm afraid you've got to be thoroughly bled first.' [Z. Smith 2000:4]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Вы что, не слышали, мистер? У нас нет лицензии на самоубийства. Здесь мясной магазин. Кошерный, понял? Если ты собирался тут помереть, друг мой, я тебя сперва хорошенько разукрашу [З. Смит 2005:5]

Данный пример демонстрирует отсутствие сказуемого в предложении *This place halal* и, если в английском языке это является грамматической

ошибкой, то в русском языке когда при переводе этого предложения опущение сказуемого можно назвать нормой. Кроме того, страдательная конструкция английского высказывания при переводе заменена на эквивалентную конструкцию действительного залога. Тем самым подчеркивается колорит высказывания.

Оригинал	<i>I'm in the business of bleeding. Not counselling.</i> [Z. Smith 2000:5]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Я тут чтобы разделявать туши, а не утешать. [З. Смит 2005:6]

При переводе этих двух предложений переводчики соединили их в одно, но сложное, используя тем самым прием синтаксической замены. Именно такое высказывание свойственно было бы русскому языку.

Оригинал	<i>You want Lonely Street. This Cricklewood Lane.'</i> [Z. Smith 2000:5]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Ты что здесь искал – улицу Одиночества? Так это не здесь. Тут у нас Криклвуд-лейн.[З. Смит 2005:6]

Синтаксическая замена, использованная переводчиками в данном примере, делает высказывание более приемлемым языку перевода, т.е. русскому языку. Однако синтаксическое отклонение от нормы переводчиками никак не было компенсировано, вследствие большой разницы на всех уровнях в указанных языках. Это же явление наблюдается и при

переводе следующей ситуации, когда в предложении отсутствует сказуемое, а в русском языке переводчик компенсирует его отсутствие, используя прием конкретизации:

Оригинал	<i>'You good for nothing!' Santa whoever chased him back down the stairs. 'Your wife is ill in her head, and this is all you can do!'. [Z. Smith 2000:6]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Вы ничего не можете! – Санта, как хвост, тащилась за ним вниз по лестнице. – Свели жену с ума. Вот и все, на что вы способны! [З. Смит 2005:17]

Кроме того, в указанном примере использована синтаксическая замена: членение сложного предложения высказывания на несколько простых, что позволяет сохранить эмоциональный фон самого высказывания. Подобное явление наблюдается и в последующих примерах:

Оригинал	<i>Now, enough of all this: I will match your five bob and raise you five. [Z. Smith 2000:7]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	И не будем больше об этом. Ставлю против твоих пяти шиллингов и в пять раз увеличиваю ставку.[З. Смит 2005:8]

Оригинал	<i>'Look at me. Marrying Alsana has given me this new lease on living, you understand? She opens up for me the new possibilities. She's so young, so vital – like a breath of fresh air. You come to me for advice? Here it is. Don't</i>
----------	---

	<i>live this old life – it’s a sick life, Archibald. It does you no good. No good whatsoever.’ [Z. Smith 2000:7]</i>
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	– Посмотри на меня: женитьба на Алсане дала мне второе дыхание, понимаешь? Открыла новые возможности. Она у меня такая молодая, такая энергичная – как глоток свежего воздуха. Хочешь совет? Пожалуйста! Забудь про прежнюю жизнь, Арчибальд. В ней все было неправильно, и тебе от нее никакой пользы. Вообще никакой.[З. Смит 2005:8]

В последующих примерах при помощи приемов опущения членов предложения, а также генерализации переводчикам удается передать особенность речи одного из главных героев:

Оригинал	‘Caught my eye, you might say,’ said Archie, still beaming like a mad man. ‘I was just driving along looking for somewhere, you know, somewhere to have another drink, New Year’s Day, hair of the dog and all that – and I’ve had a bit of a rough morning all in all – and it just sort of <i>struck</i> me. I flipped a coin and thought: why not?’ [Z. Smith 2000:12]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Оно само бросается в глаза, – пояснил Арчи, все еще улыбаясь как сумасшедший. – Я ехал и выискивал какое-нибудь местечко, где можно выпить, все-таки Новый год... у меня выдалось нелегкое утро... оно просто перевернуло меня. Я подбросил монетку и подумал: почему бы нет?[З. Смит 2005:13]

Оригинал	<p><i>'She is born, she lives, simply in the wrong time! This is just not her day! Maybe not her millennium. Modern life has caught that woman completely unawares and up the arse. Her mind is gone. Bugged. And you? You have picked up the wrong life in the cloakroom and you must return it. Besides, she has not blessed you with children... and life without children, Archie, what is it for? But there are second chances; oh yes, there are second chances in life. Believe me, I know. You,' he continued, raking in the 10p's with the side of his bad hand, 'should never have married her.'</i> [Z. Smith 2000:16]</p>
<p>Перевод О. Качановой, М. Мельниченко</p>	<p>– Все дело в том, что она родилась и живет не в то время. Просто не ее день! Ну, может, не ее тысячелетие. Современная жизнь застала ее врасплох и хорошенько вмазала. Вышибла ей мозги. А ты? Ты просто взял в гардеробе не ту жизнь, так что верни ее на место. Кроме того, она не осчастливила тебя детьми... а жизнь без детей, Арчи, зачем она нужна? Поверь мне, уж я-то знаю. Тебе, – продолжал он, загребая мертвой рукой кучку десятипенсовых монет, – вообще не следовало на ней жениться.[З. Смит 2005:17]</p>

Кроме того, данные примеры демонстрирую случаи применения синтаксических замен, когда происходит слияние двух простых предложений в одно сложное и наоборот, членение исходного предложения на части.

Оригинал	'You wan' help?' asked Clara patiently, though still half in daydream. 'I can lift some tingif-'. [Z. Smith 2000:16]
Перевод О. Качановой, М. Мельниченко	Тебе помочь? - терпеливо спросила Клара, все еще не выходя из задумчивости - Могу я принести что-то если..... [З. Смит 2005:17]

Переводчики не компенсируют фонологические отклонения и прибегают к синтаксическим заменам, когда утвердительное предложение в английском языке переводится вопросительным. Все это необходимо для создания атмосферы общения двух мигрантов.

Примеры отклонений от литературной нормы на синтаксическом уровне составили всего 15% от общего количества примеров, при переводе которых переводчиками были использованы такие приемы, как замена в 75% случаев, добавления в 17% случаев, а также перестановки - в 5% и опущения - в 3% случаев. Для более наглядного представления полученных результатов была составлена диаграмма, представленная на рисунке 4:

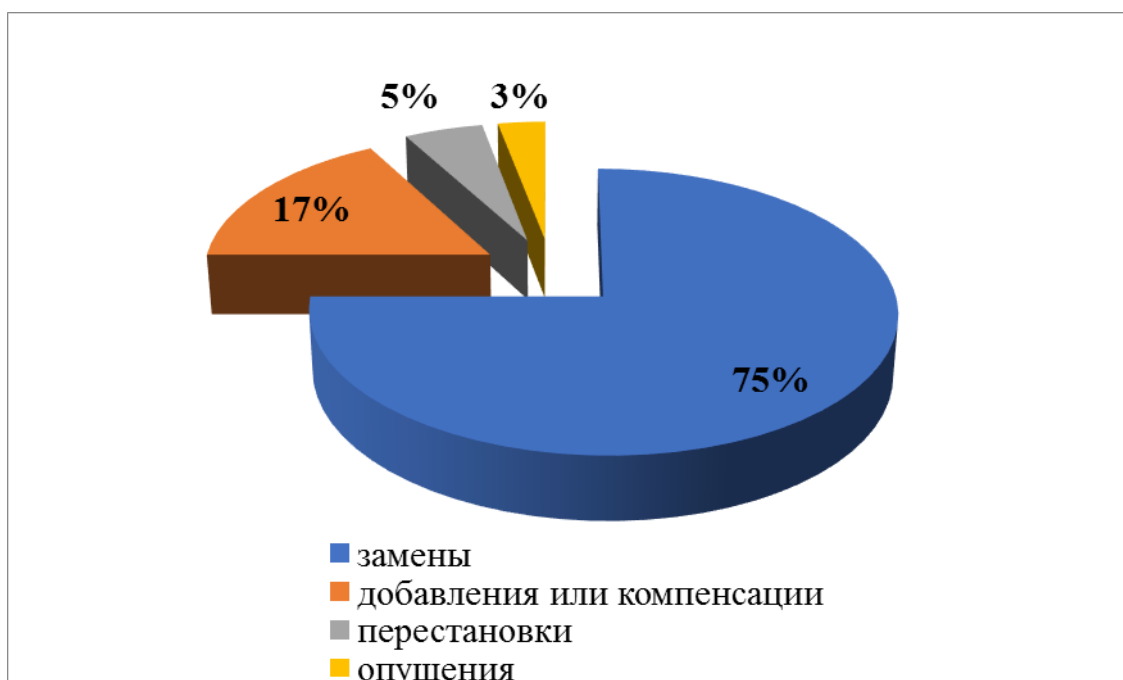

Рис. 4. Стратегии перевода, использованные при переводе отклонений от литературной нормы на синтаксическом уровне

Диаграмма на рисунке 4 демонстрирует, что наиболее часто используемым приемом для передачи отклонений от литературной нормы на синтаксическом уровне является замены, на первом месте, на втором месте идут добавления, на третьем месте - перестановки, ну а опущения на четвертом месте, которые составили 3% от общего числа литературных отклонений на синтаксическом уровне.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что говоря об отклонениях от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы", то они несомненно присутствуют, согласно нашему исследованию, в процессе которого было проанализировано 250 контекстов, полученных в результате сплошной выборки, на фонологическом, лексико-фразеологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка, что более наглядно представлено в таблице 1 и на диаграмме рисунка 5.

Таблица 1

Отклонения от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы"

Уровни языка	Количество, шт.	Количество, %
Фонологический	150	60
Лексико- фразеологический	50	20
Морфологический	13	5%
Синтаксический	37	15

Для наиболее наглядного представления результатов анализа особенностей отклонений от литературной нормы в романе Э. Смит "Белые зубы" была составлена диаграмма, представленная на рисунке 5:

Рис. 5. Диаграмма отклонений от литературной нормы в романе Э. Смит "Белые зубы"

Согласно данным таблицы и диаграммы, наиболее часто употребляемыми автором отклонений от литературной нормы являются те, которые происходят на фонологическом уровне 60 % (150 контекстов), это связано со спецификой главных героев романа, представляющих собой мигрантов, которые несомненно, несмотря на возможность ведения коммуникации на неродном для них языке, говорят с акцентом.

На втором месте по частотности употребления следуют отклонения на лексико-фразеологическом уровне - 20% (50 контекстов), что также связано с использованием просторечной лексики и лексики сниженного регистра для более реального представления жизни простых людей.

Морфологический уровень отклонений от литературной нормы не так ярко представлен: процент его использования составил лишь 5% или 13 контекстов, зачастую отклонения на морфологическом уровне связаны с употреблением видовременных форм глагола, которые вызывают особую трудность у изучающих английский язык.

Отклонения на синтаксическом уровне составили 15 % или 37 контекстов. В основном это неправильное построение предложений мигрантами, подростками и простых людей, зачастую имеющих высокий уровень образования.

Кроме того, в ходе исследования нами были проанализированы переводческие трансформации, использованные переводчиками при переводе указанных отклонений. Особенности перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы" представлены в таблице 2 и на диаграмме рисунка 6:

Таблица 2

Особенности перевода отклонений от литературной нормы в романе

З. Смит "Белые зубы"

№	Наименование вида	Количество примеров
---	-------------------	---------------------

	трансформации	количество	%
I	Замена	155	62
1.	Конкретизация	35	23
2.	Генерализация	25	16
3.	Замена формы слова	40	26
4.	Синтаксические замены	55	35
II	Перестановка	5	2
III	Добавления	35	14
IV	Опущения	55	22

Для наиболее наглядного представления результатов анализа особенностей перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы" была составлена диаграмма, представленная на рисунке 6:

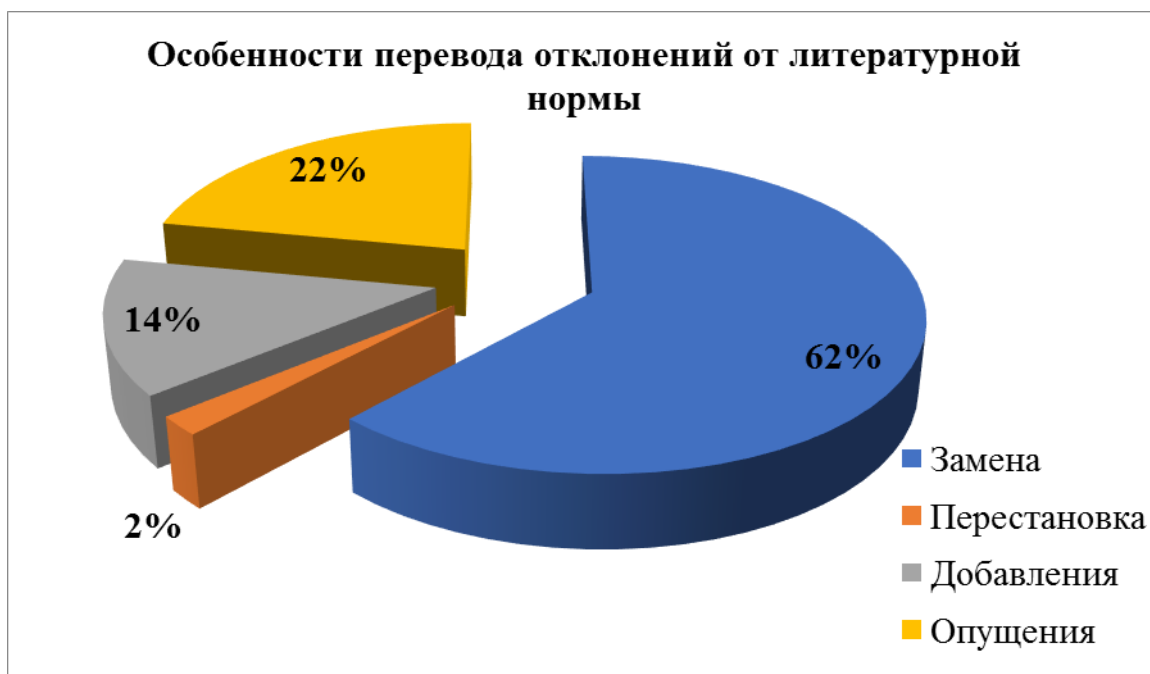

Рис. 6. Диаграмма особенностей перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы"

Данные диаграммы рисунка 6 демонстрируют тот факт, что особенностью перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы" является наиболее частотное употребление таких видов переводческой трансформации, как замены, опущения и добавления, количество которых составили 62%, 22% и 14% от общего числа проанализированных контекстов соответственно.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что отклонения от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы" встречаются чаще всего на фонологическом уровне. Что касается особенностью перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы", то чаще всего переводчики прибегают к таким переводческим трансформациям, как замена, реже - добавления опущения.

Выводы по главе II

С целью выявления особенностей перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы" было проанализировано 250 примеров контекстов, полученных в результате сплошной выборки из анализируемого произведения на английском языке и на русском в переводе О. Качановой, М. Мельниченко.

1. Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что отклонения от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы" встречаются чаще всего на фонологическом уровне.

2. Что касается особенностью перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы", то чаще всего переводчики прибегают к таким переводческим трансформациям, как замена, реже - добавления опущения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование посвящено анализу особенностей перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы". Несомненно, тема исследования является актуальной, поскольку на сегодняшний день, несмотря на многочисленные исследования способов передачи отклонений от литературной нормы, не выработано какой-то общей стратегии, и перевод отклонений зависит от особенностей того или иного произведения, а также от личности самого переводчика.

В ходе анализа теоретических аспектов изучения особенностей перевода отклонений от литературной нормы было установлено, что понятие нормы трактуют в широком и узком смыслах. В широком смысле понятие нормы вбирает в себя средства и способы речи, формировавшиеся на протяжении многих веков. В узком смысле норма рассматривается как результат кодификации языка, которая опирается на традицию существования языка в том или ином обществе, на общепринятые способы использования языковых средств.

Кроме того, мы определили, что понятие нормы и ее действие пронизывают все уровни языка. В связи с этим выделяются фонетические нормы, лексико-фразеологические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, а также орфографические и пунктуационные.

Согласно современным лингвистическим исследованиям отклонения от литературной нормы представляют собой особенность и проявлением скрытых лексических, словообразовательных и грамматических возможностей системы. Согласно классификации переводческих трансформаций Л.С. Бархударова выделяются такие трансформации, как замены, перестановки, добавления, опущения.

С целью выявления особенностей перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы" было проанализировано 250 примеров контекстов, полученных в результате сплошной выборки из анализируемого произведения на английском языке и на русском в переводе О. Качановой, М. Мельниченко.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что отклонения от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы" встречаются чаще всего на фонологическом уровне.

Что касается особенностью перевода отклонений от литературной нормы в романе З. Смит "Белые зубы", то чаще всего переводчики прибегают к таким переводческим трансформациям, как замена, реже - добавления опущения.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что цель исследования, заключающаяся в анализе и выявлении стратегии перевода отклонений от литературной нормы в художественных произведениях, достигнута, все задачи решены.

Тем не менее, считаем, что данное исследование не исчерпывает изучение заданной темы, возможно было бы проанализировать специфику перевода речи каждого персонажа, но это, скорее всего, является предметом дальнейших более глубоких исследований.

Результаты нашего исследования будут интересны и полезны не только лингвистам, филологам, но и практикующим переводчикам в их повседневной практике.

Список используемых источников

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение [Текст] / И.С. Алексеева. - СПб., 2004. - 227с.
2. Алпатов, В.М. История лингвистических учений [Текст] / В.М. Алпатов. - Москва, 2005. - 368 с.
3. Амосова, А. Парадоксальный мир искусства [Текст] / А.Амосова // Эстетические очерки. Избранное : сб. ст. / сост.: И. А. Константинов, С. Х. Раппопорт. М. : Музыка, 1980. - 180 с.
4. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования) [Текст] / И.В. Арнольд. - М., 1990. - 235с.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. - М., 1999. - 347с.
6. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода [Текст] / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 190с.
7. Виноградова, А.И. Собственность и ее воплощение в социальных нормах [Текст] / А. И. Виноградова, Н. В. Фомина // Перспективы науки. – 2011. – № 6 (21). – С. 77-80.
8. Влахов, С. Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. - М., 2006. - 237с.
9. Высоцкая, И.В. А есть ли асистемное? [Текст] / И.В. Высоцкая // Системное и а системное в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2007. Разд. 1. - 453с.
10. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – 2-е изд. – Москва :Либроком, 2010. – 262 с.

11. Гак, В.Г. Теория и практика перевода: французский язык: учеб. пособие [Текст] / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – 9-е изд. – Москва :Либроком, 2009. – 460 с.
12. Германова, Н.Н. Норма в социально-культурном контексте (на материале английского литературного языка XVIII в.) [Текст] / Н.Н. Германова // Теория, история, типология языка. Вып. II. 2003. С. 167–175.
13. Григорьев, В.П. Язык художественной литературы [Текст] / В.П. Григорьев // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. - 564с.
14. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон. Гумбольдт ; пер. с нем. под ред. Г.В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 400 с.
15. Гухман, М.М. Становление литературной нормы немецкого национального языка [Текст] / М.М. Гухман // Вопросы формирования и развития национальных языков : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. М. М. Гухман. – Москва, 1960. – С. 247-252. – (Тр. Ин-та языкознания ; т. 10).
16. Елистратов, В.С. Арго и культура [Текст] / В.С. Елистратов. - Москва, 1995. - 231 с.
17. Кожин, А.Н. Язык художественной литературы как эстетически стимулируемая форма существования литературного языка [Текст] / А.Н. Кожин // Структура и функционирование поэтического текста: сб. статей. М., 1985 - 369с.
18. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
19. Коровушкин, В.П. Основы контрастивной социолектологии :дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / В.П. Коровушкин. - Пятигорск, 2005. - 187с.
20. Кравченко, О.В. К вопросу об определении понятия лингвистический абсурд [Текст] / О.В. Кравченко // Системное и а системное

в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2007. Разд. 9. - С.134-139

21. Крысин, Л.П. Толерантность языковой нормы [Текст] / Л.П. Крысин // Язык и мы. Мы и язык: сборник статей памяти Б. С. Шварцкофа. Москва, 2006. 546 с.

22. Крысин, Л.П. Речевое общение в социально неоднородной среде // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация [Текст] / Л.П. Крысин // Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – с. 367-374.

23. Латышев, Л.К. Технология перевода [Текст] / Л.К. Латышев. – М.: Академия, 2005. – 317 с.

24. Липатов, А.Т. Русский сленг в его соотносительности с семантико-понятийной дихотомией «арго-жаргон» [Текст] / А.Т. Липатов // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – с. 300-317.

25. Литвинов, В. А. Исторический характер лингвистической нормы / В.А. Литвинов // Liberal Arts in Russia. - 2013. -Vol. 2. - No. 1 - С. 94 - 104

26. Скворцов, Л.И. Литературная норма в лексике и фразеологии [Текст] / Отв. редактор Л.И. Скворцов. – М.: Наука, 1983. – 263 с.

27. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман. - М., 1970. - 189с.

28. Маслова, Ж.Н. «Ценность» и «норма» как факторы детерминации выбора языковых средств [Текст] / Ж.Н. Маслова // Вестн. ТГУ. 2007. Вып. 12 (56). С. 240.

29. Матвеева, Е.Н. Языковая игра в поэзии Игоря Северянина [Текст] / Е.Н. Матвеева // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. - С.32-36

30. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика. [Текст] / Н.Б. Мечковская. Москва, 2000. 207 с.
31. Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.:Воениздат,1980. – 237 с.
32. Молчанова, Г.Г. Семантика художественного текста (имплицативные аспекты коммуникации) [Текст] / Г.Г. Молчанова. - Ташкент, 1988. - 237с.
33. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства [Текст] / Я. Мукаржовский. - М.: 1994. - 542 с.
34. Мурзин, Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения [Текст] / Л.Н Мурзин // Речевые приемы и ошибки: Типология, деривация и функционирование: сб. науч. трудов. - Пермь, 1989. - 563с.
35. Немцова, Н.В. Перевод некоторых отклонений от нормы с английского языка на русский [Текст] / Н.В. Немцова // Материалы IX межвузовской научно-практической конференции молодых ученых (21 марта 2008 года). - Череповец: ВПО ЧГУ, 2008. - С. 266-271.
36. Нухов, С.Ж. Языковая игра в словообразовании: автореф. дис. д-ра филол. наук [Текст] / С.Ж. Нухов. - М., 1997. - 45с.
37. Ожегов, С.И. Очередные вопросы культуры речи [Текст] / С.И. Ожегов // Вопросы культуры речи. Вып. 1. Москва, 1955.
38. Перевышина, И.Р. Теория и практика перевода [Текст] / И.Р. Перевышина. – Спб.: Антология, 2007. – 560 с.
39. Рецкер, Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский [Текст] / Я.И. Рецкер. – М.: Просвещение, 1981. – 302 с.
40. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода [Текст] / Я.И. Рецкер // Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.
41. Скворцов, Л.И. Теоретические основы культуры речи [Текст] / Л.И. Скворцов. - Москва, - 1980 - 352 с.

42. Скворцов, Л.И. Художественная литература и нормы языка [Текст] / Л.И. Скворцов // Русский язык: проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981.
43. Сквородников, А.П. О понятии и термине «языковая игра» [Текст] / А.П. Сквородников // Филологические науки. 2004. № 2. - С.94-102.
44. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учебное пособие [Текст] / А.В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 303с.
45. Швейцер, А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике [Текст] / А.Д. Швейцер ; АН СССР, Науч. совет по теории сов. языкознания при Отд-нии литературы и яз. – Ленинград : Наука, 1971. – 104 с.
46. Яшина, Е.А. Языковые средства создания алогизма в художественном тексте [Текст] / Е.А. Яшина // Филол. науки. 2009. № 4. С. 97.
47. Lewandowski, Th. Linguistisches Wörterbuch (in 3 Bänden). [Текст] / Th. Lewandowski // 6.Auflage. Heidelberg-Wiesbaden: Quelle&Meyer, 1994.
48. Smith, Z. White Teeth. [Текст] / Z.Smith // Penguin Books, 2001. – 548 p.